

Хуа У и Тин Юэ получили слишком тяжелые ранения, а помочь им было некому. Оставалось лишь готовить и принимать целебные снадобья — иного пути не было. Поскольку оба лишились прежнего уровня совершенствования, эффективность этих лекарств была невелика, но всё же лучше, чем ничего. Сейчас их положение было не более чем жалкой попыткой продлить существование.

Однако Хуа У долгие годы изучал Божественное искусство Великого Расширения. Несколько раз, выполняя расчеты, он видел знамения того, что его путь к бессмертию еще не прерван. Правда, из-за отсутствия магической силы довести вычисления до конца не удавалось, но все они были связаны с Лю Сычэном. Оставалось лишь гадать, к чему это приведет.

Три месяца назад Хуа У предсказал, что Лю Сычэн отправится в этот путь, и они с Тин Юэ построили здесь хижину, чтобы дожидаться встречи с Ван Цзи.

Хуа У рассчитывал последовать за Лю Сычэном и найти ту самую нить судьбы. Тин Юэ не возражала, хотя, увидев Лю Сычэна, она по его лицу поняла: он не тот человек, что держит слово, и склонен к двуличию.

Тин Юэ собрала вещи: несколько узлов да два бамбуковых сундука — всё было готово.

— Лю Сычэн прибыл, я пойду встречу его, — Хуа У поднялся и вышел. Едва он добрался до ворот двора, как показалась кавалькада во главе с Лю Сычэном.

Спешившись и увидев Хуа У, встречающего их у входа, Лю Сычэн отвесил поклон:

— Приветствую вас, господин.

Хуа У с трудом ответил тем же:

— Старик уже собрал пожитки. Раз уж Ван Цзи пожаловал лично, я готов следовать за вами.

Услышав это, Лю Сычэн пришел в неопишуемый восторг. Он понял, что перед ним действительно необычайный человек. Перестав величать себя титулом, он поспешно произнес:

— Господин, вы наверняка знаете о моей искренности. Благодарен вам за согласие, прошу прощения за доставленные хлопоты.

Лю Сычэн и Хуа У вместе поехали в резиденцию князя.

Когда они отъехали на тридцать ли, Лю Сычэн собрался было заговорить, но Хуа У слегка поднял руку:

— Ван Цзи, вы уже привели в порядок восточный флигель дворца? Там обстановка изящна, но слишком роскошна. Я человек гор и лесов, мне там не место. В двух ли от восточных ворот вашей резиденции есть небольшой дворик, хозяин по фамилии Лю как раз хочет его продать. Сотни серебряных монет должно хватить. Прошу вас, потратитесь, мы с Тин Юэ поселимся там.

— Как скажете, господин.

Лю Сычэн, уже не питавший ни малейших сомнений в искусстве предсказания Хуа У, высунулся из окна кареты и отдал распоряжение стражнику. Тот ответил и поскакал обратно в город.

Повернувшись, Лю Сычэн продолжил:

— Ваша Весенняя длань поистине чудесна. В тот вечер я, как вы и велели, лег спать в белой нижней рубаше, а утром обнаружил на ней три черных пятна. В тех местах на спине, где у меня были заторы при практике семейного боевого искусства, внезапно всё стало свободно.

— Сердечная техника «Остатки целостности», которую вы практикуете, известна в мире боевых искусств. Старик знает, что многие адепты этого метода страдают от Накопления изъяна. Достигнув седьмого уровня, без сторонней помощи продвинуться дальше почти невозможно. Полагаю, вы оказались в той же ловушке. Весенняя длань обладает свойством растворять застой, вот я и предложил вам её выпить.

Весенняя длань была духовным чаем, который Хуа У всегда носил с собой, и он был крайне полезен для тех, кто стремится к бессмертию. Чтобы заставить Лю Сычэна проникнуться к нему глубоким уважением, Хуа У не только постоянно демонстрировал свою прозорливость, но и не жалел того, что так ценится практиками — духовного чая.

Хуа У не хотел, чтобы Лю Сычэн узнал его истинную суть, поэтому о природе Весенней длани, разумеется, умолчал.

— С вашей базой, избавившись от оков Накопления изъяна, через два-три года вы сможете приступить к изучению Меча «Хранитель изъяна».

Меч «Хранитель изъяна», входящий в состав Сердечной техники «Остатки целостности», можно было изучать, лишь достигнув девятого уровня мастерства, однако среди членов императорской семьи никто не поднимался выше седьмого.

Лю Сычэн был невероятно воодушевлен:

— Благодарю за чай, господин!

Затем он начал спрашивать совета по поводу трудностей в практике Сердечной техники

«Остатки целостности». Хуа У отвечал на всё, демонстрируя глубочайшие познания в этом искусстве. Лю Сычэн был поражен, но расспрашивать о причинах не решился.

Они ехали без остановок, перекусывая в карете сушеным мясом и фруктами, и через три часа прибыли в город Ичжоу — одну из Трех северных областей.

Ичжоу был местом расположения резиденции Ван Цзи. Тот самый стражник ждал их у городских ворот. Начальник стражи доложил из-за кареты:

— Докладываю Ван Цзи, Ли Юань ожидает ваших распоряжений.

Хуа У внезапно произнес:

— Ван Цзи, позвольте пригласить вас на трапезу в мой дом, а после этого мы продолжим путь.

Лю Сычэн выглянул в окно и приказал начальнику стражи:

— Пусть Ли Юань ведет нас к жилищу господина Хуа.

Кортеж двинулся за Ли Юанем.

...

Стражник Ли Юань был человеком расторопным. Получив приказ князя, он всю дорогу гнал лошадей и прибыл в Ичжоу на час раньше господина. Он сразу отправился к указанному месту и действительно увидел на воротах небольшого двора листок с надписью Продается.

Спешившись и расспросив хозяина по фамилии Лю, он, не раздумывая, выложил банкноту в сотню серебряных. Хозяин тут же согласился, и Ли Юань забрал купчую, потребовав немедленно освободить дом.

Вернувшись в резиденцию, он доложил обо всем управляющему. Тот, потративший накануне три тысячи золотых на подарки для Хуа У, уже понимал, что гость — персона весьма важная. Разве посмел бы он проявить небрежность? Он лично привел сорок человек, отобрал мебель и утварь — добротную, антикварную, но без излишеств — и с одеждой и провизией на двух больших повозках отправился к дворику.

У прежнего хозяина вещей было немного, так что дом освободили быстро. Десятки людей принялись за уборку, даже бумагу на окнах сменили на новую.

Чтобы было удобнее в разговоре, дворику наспех дали название Дворик Мудрого пристанища.

В резиденции князя уже был приготовлен пир, так что об этом беспокоиться не пришлось.

Управляющий, человек необычайно проницательный, опасаясь, что Хуа У не захочет трапезничать во дворце, заказал стол в ресторане Кеюэлоу. А чтобы не возникло накладок, распорядился доставить из ресторана еще один стол прямо в Дворик Мудрого пристанища.

Войдя в город, Хуа У сказал Лю Сычэну:

— Ван Цзи, ваш управляющий назвал мой дом Двориком Мудрого пристанища, но было бы уместнее использовать иероглиф «праздный».

Хуа У улыбнулся и добавил:

— Сегодня вы из-за меня потратились, пусть стражники угощаются тем, что заказано в Кеюэлоу, а о пире в резиденции я беспокоиться не стану.

Лю Сычэн распорядился о пире во дворце, но о заказе в Кеюэлоу ничего не знал, а о Дворике Мудрого пристанища и вовсе слышал впервые. Однако он не стал расспрашивать:

— Как скажете, господин.

Кортеж остановился перед воротами. Управляющий вышел вперед, чтобы поприветствовать их, а Лю Сычэн велел стражникам отправляться в Кеюэлоу.

Управляющий проводил Хуа У, Тин Юэ и Лю Сычэна во двор. Лю Сычэн внимательно огляделся: пять черепичных комнат, всё прибрано, в горшках цветы — весьма изысканно.

— Дворик маловат, прошу прощения за стеснение, господин.

— Как раз то, что нужно. Благодарю, Ван Цзи.

Войдя в зал, они увидели, что стол уже накрыт. Хуа У без лишних церемоний занял почетное место, предложил князю сесть во главе стола, а затем указал на стулья:

— Управляющий, Тин Юэ, садитесь рядом.

Управляющий замялся, но Лю Сычэн произнес:

— Господин велел — садись.

Только тогда управляющий и Тин Юэ присели.

— Я человек гор и лесов, правил не знаю, прошу простить, Ван Цзи.

Лю Сычэн ответил:

— Вы — мудрец, скрывающийся от мира, и не обязаны соблюдать мирские условности. Я восхищаюсь вами.

— Этикет все же необходим. На столе столько яств, нам четверым не осилить. Хочу отправить кое-что слугам, не возражаете?

— Разумеется, нет.

В зале стояли двое слуг и две служанки. Хуа У велел:

— Отнесите часть блюд на кухню и поешьте сами.

Видя, что слуги боятся шелохнуться, он сам выбрал шесть тарелок.

— Чего же вы ждете? Поблагодарите господина, — приказал Лю Сычэн.

Четверо слуг хором произнесли:

— Благодарим вас, господин.

За трапезой Лю Сычэн и Хуа У вели оживленную беседу, управляющий прислуживал и наливал вино, постепенно становясь менее скованным. Тин Юэ ела лишь овощи и молчала.

Когда вино ударило в голову, Лю Сычэн спросил управляющего:

— Это ты дал название этому дворику?

Управляющий испугался, вскочил и поклонился:

— Простите, Ваше Высочество! Мне нужно было записать расходы в книгу, вот я и осмелился наспех назвать его Двориком Мудрого пристанища.

Лю Сычэн сказал:

— Господин Хуа уже знает. Впредь это место будет называться Двориком Праздного уединения.

— Слушаюсь.

Лю Сычэн спросил об этом и изменил название по двум причинам: во-первых, хотел убедиться, действительно ли Хуа У обладает даром предвидения, а во-вторых, желал польстить ему.

Хуа У произнес:

— Ван Цзи, праздное уединение — мое желание. Если у меня возникнут вопросы, я сам приду в резиденцию и попрошу совета. Вы человек занятой, не стоит утруждать себя посещениями Дворика Праздного уединения.

Лю Сычэн понял, что Хуа У вежливо просит не беспокоить его, и кивнул:

— Я запомнил.

После пира Хуа У усмехнулся:

— Ценности, которые стражники занесли в дом, стоят три тысячи золотых. Да и четыре слуги мне ни к чему. Прошу, заберите всё обратно.

Лю Сычэн не стал настаивать и согласился.

Следующие два месяца Лю Сычэн не осмеливался наносить визиты, лишь упражнялся в резиденции в Сердечной технике «Остатки целостности». Избавившись от гнета Накопления изъяна, он стал быстро прогрессировать.

Управляющий по графику доставлял рис, муку, масло, мясо, овощи и фрукты. Банкноты иногда принимали, иногда вежливо отказывались — всем этим занималась Тин Юэ, расходов было немного.

Управляющий, зная способности Хуа У, не смел наживаться на поставках. Он тщательно вел записи, и когда князь интересовался, всегда мог дать точный отчет.

Два месяца спустя Тин Юэ с жетоном резиденции пришла просить аудиенции у князя. Этот жетон управляющий оставил в Дворике Праздного уединения. Узнав о визите, управляющий поспешил навстречу, встретил Тин Юэ с большим почтением и, велел доложить князю, проводил её во дворец.

Вскоре слуга сообщил:

— Князь ждет в кабинете.

Управляющий привел Тин Юэ в кабинет, и Лю Сычэн лично вышел встретить её у дверей. Увидев, как князь проявляет такое смирение, управляющий поспешил удалиться.

Тин Юэ поклонилась, Лю Сычэн проводил её внутрь.

— Садись, Тин Юэ.

Тин Юэ знала, что такой прием — заслуга Хуа У, который приложил немало сил, чтобы наладить отношения с Лю Сычэном, поэтому не осмелилась вести себя вольно.

— Не смею. Мой господин передал, что в этом году ожидается богатый урожай летнего зерна, и нужно приложить все усилия, чтобы его скупить, опасаясь неурожая в будущем. Стоит запастись серебром, можно поручить зерноторговцам скупать зерно в таких странах, как Государство Ань. Если амбаров не хватает, можно построить новые. В этом году во всех пяти странах урожай хороший, сделки пройдут легко. Господин опасается, что утечка информации повредит делу, поэтому велел мне явиться лично. Особое внимание следует уделить Государству Ань. Господин сказал, что это стратегия «вытащить дрова из-под котла» — она поможет решить проблему противостояния на границе, из-за которой вы так страдаете. Если в следующем году будет прибыль, господин просит отчислить ему два процента.

Лю Сычэн противостоял Государству Ань в Трех северных областях, но купцы, стремясь к наживе, подкупали чиновников обеих сторон, так что торговля в целом шла нормально.

Лю Сычэн безгранично доверял Хуа У и, выслушав Тин Юэ, внутренне ликовал.

Тин Юэ выглядела лет на двенадцать-тринадцать. Лю Сычэн велел управляющему выдать ей восемь коробок с пирожными и сушеными фруктами, отправил её обратно в паланкине, а сам сел и начал обдумывать слова Хуа У.

Хуа У сказал — приложить все усилия, значит, чем больше, тем лучше. А вот как избежать утечки информации? Подумав об этом, Лю Сычэн улыбнулся. Он всегда гордился своим умом, но почему же стал так зависеть от Хуа У? Впрочем, если всё тщательно спланировать, это не составит труда.

Поразмыслив несколько дней, Лю Сычэн направил Цяньтаю тайное донесение, в котором упомянул, что до него дошли слухи о том, что чиновники в казенных амбарах тайком распродают зерно, занимаясь коррупцией и воровством.

Прочитав донесение, Цяньтай пришел в ярость. Десятилетиями Лю Чжоу трудился не

покладая рук, заботясь о государстве, и больше всего ненавидел лень и коррупцию. На утреннем собрании он издал указ о проверке амбаров.

Во все времена хватало коррумпированных чиновников, и в казенных амбарах всегда были проблемы. Те, кто воровал мало, пытались найти серебро, чтобы продать зерно и покрыть недостачу, а те, кто воровал много, могли лишь уповать на судьбу.

В одночасье при дворе воцарилась паника, и остальные четыре страны тоже узнали о проверке Цяньтая.

После сбора летнего урожая Лю Сычэн поручил доверенным лицам занимать деньги или закладывать имущество, чтобы на всё серебро скупать зерно. Он также поручил нескольким крупным зерноторговцам в Государстве Ань и Ту тайно скупать зерно за его счет. Помимо строительства новых амбаров, он снимал дома у простых людей для хранения запасов.

Все думали, что князь действует по чьей-то просьбе, скупая зерно, чтобы отчитаться перед проверкой, и не придавали этому значения. План Лю Сычэна по сокрытию истины сработал.

Из-за массовых закупок цена на летнее зерно выросла на десять процентов. В Государстве Ань раскрыли нескольких коррупционеров, и амбары были в основном заполнены.

В Трех северных областях накопились огромные запасы зерна. Однако Лю Сычэн столкнулся с трудностями: зерноторговцы, сдавшие товар, не могли получить оплату и ежедневно обивали порог резиденции. Подчиненные князя лишь кормили их обещаниями, и торговцы ничего не могли поделать.

К осени в пяти странах участились наводнения и засухи, осенний урожай сократился наполовину, и цены на зерно начали расти. Запасы уже принесли двадцать процентов прибыли. На следующий год наступила весенняя засуха, летний урожай составил лишь двадцать процентов от обычного, цены удвоились, и в пяти странах начался голод.

В последующие дни цена на зерно начала расти с каждым днем, превращаясь в безумие. В Государстве Ань, благодаря проверке Цяньтая, государственные амбары были полны, двор открыл пункты раздачи каши, так что беспорядков не было.

В других четырех странах голодающие поднимали бунты, убивали чиновников и грабили богатые дома. Лю Сычэн поручил нескольким крупным торговцам скупать зерно в Государстве Ань по высоким ценам. Поскольку многие мелкие чиновники там тайком распродавали государственное зерно, ситуация в Государстве Ань стала наиболее тяжелой.

Помимо помощи голодающим, у Лю Сычэна оставалось огромное количество зерна. Хуа У не давал новых указаний, и он не спешил с продажей.

Прошло время, ситуация в странах стала еще более хаотичной, крупная торговля зерном прекратилась, цена выросла втрое. Такой взлет цен заставил Лю Сычэна занервничать.

В тот день управляющий пришел к нему и доложил:

— Ваше Высочество, я, как вы велели, каждый день прохаживаюсь у ворот Дворика Праздного уединения. Сегодня вышла Тин Юэ и сказала мне: «Я вижу, ты уже несколько дней здесь околачиваешься. Господин велел передать — не беспокойтесь». Я пригласил её выпить чаю, но она отказалась.

Лю Сычэн махнул рукой, отпуская управляющего, и успокоился.

Вскоре управляющий снова поспешно прибыл к князю:

— Я сегодня дождался Тин Юэ у ворот. Она передала слова господина Хуа: завтра правитель Государства Ань, Пань-ван Сумаха, прибудет к вам с намерением закупить зерно. У них запасов провианта для армии осталось всего на месяц. Прежде чем зерно закончится, они непременно попытаются захватить Три северные области, что приведет к взаимному истощению. Вы можете продать излишки Сумахе. Он пользуется доверием императора и является авторитетной фигурой в армии. В этот раз призывы к войне звучали всё громче, и он приехал лишь из опасения, что затяжная война подорвет основы государства. Оказав ему огромную услугу, вы ничего не потеряете, а только выиграете.

На следующий день Пань-ван Сумаха действительно прибыл к Лю Сычэну как посол. Несмотря на вражду между странами, общение между князьями требовало соблюдения этикета, и Лю Сычэн устроил пышный пир в честь гостей.

Сумаха, наследный вождь кочевых племен у подножия гор Даман, был человеком щедрым и прямодушным. Ему было около двадцати с небольшим, почти столько же, сколько Лю Сычэну. Они быстро нашли общий язык и на пиру напились допьяна.

На следующий день во дворце они обсудили дела. Благодаря вчерашнему пиру соглашение было достигнуто быстро: Лю Сычэн согласился продать пятьсот тысяч дань зерна по рыночной цене, при условии перемирия на границе сроком на три года.

Армия Государства Ань была слабее, и Лю Сычэн, несмотря на все усилия в Трех северных областях, не мог в корне изменить ситуацию. Перемирие на три года позволяло ему сосредоточиться на борьбе с партийными группировками при дворе, а народу — отдохнуть.

После голода казна Государства Ань была пуста, и Сумаха, получив зерно, был благодарен и также жаждал мира. Обе стороны остались довольны.

При прощании Сумаха сказал Лю Сычэну:

— Вы оказали мне сегодня огромную честь. Если когда-нибудь я смогу быть вам полезен, я не откажу.

Проводив Сумаху, Лю Сычэн с чувством произнес:

— Господин стоит целой армии.

В результате этой операции, после выплаты долгов и процентов, Лю Сычэн получил прибыль в тридцать миллионов серебряных.

Получив возможность нанести визит, Лю Сычэн переоделся в серый халат простолюдина и, прихватив банкноты на шесть миллионов, отправился к Хуа У. У ворот Дворика Праздного уединения он только собрался постучать, как дверь открылась сама собой. Тин Юэ сказала: «Проходите, Ваше Высочество». Лю Сычэн кивнул и вошел.

Во дворе всё было по-прежнему, лишь в воздухе витал слабый аромат лекарств. Лю Сычэн поспешно спросил:

— Как господин? Почему я чувствую запах снадобий?

Тин Юэ прошептала:

— Господин в последнее время кашляет, но уже лучше. Это последний отвар.

— Слава богу.

Тин Юэ проводила Лю Сычэна в восточный флигель и пригласила войти.

Войдя, Лю Сычэн увидел Хуа У, полулежащего на канге, и низко поклонился:

— Приветствую вас, господин.

Хуа У сел прямо:

— Старик стар и боится холода, на канге теплее. Прошу простить за непочтительность.

— Я слышал от Тин Юэ, что вы приболели. Вам уже лучше?

Хуа У улыбнулся:

— Уже здоров. Прошу, присаживайтесь на канг.

Лю Сычэн взобрался на канг и сел, скрестив ноги. Тин Юэ подала чай в грубых керамических чашках.

Хуа У поднял свою:

— Прошу, Ван Цзи.

Лю Сычэн обеими руками взял чашку, внимательно разглядывая её, надеясь увидеть что-то вроде Весенней длани.

Хуа У, поняв его мысли, усмехнулся:

— Это «Серебряные иглы» из чайного дома Дамин.

Лю Сычэн улыбнулся:

— Я слишком алчен. Господин, эта операция с зерном — всё благодаря вашему божественному расчету. Мы заработали тридцать миллионов.

Он достал из-за пазухи пачку банкнот и положил на столик:

— Здесь шесть миллионов, прошу, примите.

Лю Сычэн продолжил:

— Из-за голода в Государстве Ань, по вашему совету, я продал зерно им и добился мира с Сумахой на три года. Народ обеих стран избежал бедствий войны, а двор сэкономил на военных расходах. В трех областях, которыми я управляю, теперь полно денег и зерна, люди смогут жить в мире и достатке — всё это благодаря вам. Полагаю, все тридцать миллионов должны принадлежать вам. Вы согласны?

Хуа У, улыбаясь, покачал головой:

— Мы с Тин Юэ не знаем, куда девать такие деньги. Больше не будем об этом.

Видя это, Лю Сычэн не стал настаивать и задал вопросы по Сердечной технике, на которые Хуа У подробно ответил.

Лю Сычэн ушел, получив огромную пользу. После его ухода Хуа У провел расчеты по Божественному искусству Великого Расширения, покачал головой и вздохнул.

...

Лю Сычэн, управляя приграничьем и Тремя северными областями, за несколько лет изменил ситуацию, когда поражений в столкновениях с Государством Ань было больше, чем побед. Сначала он уничтожил две тысячи солдат «Белых тигров» Чжан Хуцзы, а в битве с Ван Цзяо проявил хладнокровие и спокойствие.

Затем последовало тайное донесение, приведшее к проверке амбаров, скупка и продажа зерна помогли Государству Ань пережить голод, а война утихла. Влияние князя при дворе возросло.

После того как Лю Ши, ранив наемного убийцу, получил титул Пань-ван, многие министры решили, что он пользуется особой любовью Цяньтая. Хотя император и питал к нему недоверие, выделив земли в Сючжоу, рядом со столицей, придворные, привыкшие угадывать мысли государя, решили, что Пань-ван станет наследником.

Поскольку его владения примыкали к столице, Лю Ши девять дней из десяти проводил в городе. Он сменил свой холодный и надменный нрав, охотился и пировал с сановниками, старательно завязывая связи.

Слухи о достоинствах третьего принца всё чаще достигали ушей Цяньтая, поначалу Лю Чжоу не придавал этому значения. Чиновники, не нашедшие места при дворе, стремились примкнуть к Пань-вану, среди них были и талантливые, но непризнанные люди. Даже высокопоставленные сановники, желая подстраховаться, сблизились с Лю Ши, и вскоре наметились признаки формирования партии Пань-вана.

Лю Ши действовал умело, расставляя своих людей и создавая партию. Он давно жаждал титула наследного принца и, видя успехи Лю Сычэна, начал нервничать.

За некоторое время ситуация при дворе резко изменилась: противостояние сторонников Пань-вана и Ван Цзи переросло в партийную борьбу. Цяньтай видел всё это насквозь.

С древних времен борьба за престол приводила к вражде отцов и сыновей, братьев. Цяньтай, то наказывая, то поощряя обе стороны, казалось, не принимал ничью сторону, и всё заканчивалось лишь наказанием нескольких чиновников.

В душе Лю Чжоу не раз сравнивал их и всё же считал, что именно Лю Сычэн — лучший кандидат на престол.

Цяньтай был слишком самоуверен, и партия Пань-вана стала угрозой, с которой невозможно было справиться. В последующие месяцы борьба обострилась, и Цяньтай решил приструнить

Пань-вана, чтобы расчистить путь для назначения наследника.

Пань-ван, давно готовившийся, имел множество шпионов, даже среди евнухов, и информация быстро дошла до него.

Чиновники, следовавшие за Пань-ваном, опасаясь, что власть Ван Цзи погубит их, подстрекали его совершить переворот. Лю Ши, по своей натуре жестокий, начал планировать действия со своими доверенными лицами. Цяньтай, до которого дошли слухи, был потрясен.

К этому моменту Цяньтай решил лишить Лю Ши титула и уничтожить его партию, но обнаружил, что командующие девятью воротами столицы и двумя армиями, охраняющими город, уже подчинены Лю Ши.

Цяньтай понял, что ситуация вышла из-под контроля.

Князь Лю Сычэн, имея под рукой мощную армию, не помышлял о захвате власти. При дворе он опирался на гражданских чиновников, которые не знали о силе Пань-вана, а лишь видели успехи Лю Сычэна и ежедневно подавали Цяньтаю прошения о назначении его наследником. Цяньтай был измучен этим.

...

В тот день Лю Сычэн читал в кабинете. Слуга внес чашу с женьшеневым отваром и, поставив её, прошептал:

— Ваше Высочество, господин Хуа пришел.

Лю Сычэн вскинул голову и поспешно встал:

— Скорее пригласи его! — он направился к выходу, где управляющий уже вел Хуа У к дверям.

<http://bllate.org/book/19604/1923430>